

Т.В. Хвесько

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТОПОНИМОВ

В статье анализируются методы исследования топонимического формообразования, проводится их сопоставительный анализ, выявляются типологические закономерности русской и английской топонимических систем. Представлен формантный метод описания языковых явлений как наиболее перспективный, позволяющий выявить специфику топонимов в русском и английском языках.

Ключевые слова: топоним, апеллятив, онома, семантика, лексика, структура, сравнительно-исторический метод.

Исторически сложившиеся топонимические системы обычно неоднородны, объединяют материалы нескольких языков в различные исторические эпохи [Арутюнова 1961].

В развитии лексической системы прослеживаются процессы онимизации апеллятивной лексики и обогащение лексического состава благодаря наличию оттопонимизированных апеллятивов.

Рассматривая этимологию онимов, Э.М. Мурзаев проводит их сопоставительный анализ с апеллятивами. По мнению автора, топонимы типа: лес Бородиха, покос Ладошки, река Нутренница, озеро Скуловатка, болото Марфино Ухо – по образной номинации восходят к наименованиям частей тела [Мурзаев 1974].

Автор выделяет терминологические ряды анатомической лексики: спина, глаза, рот, нос, рог, горло, голова, ассоциативный перенос которых отражен в географических названиях рек, гор в разных языках мира. Терминологический ряд *рот – ворота – пори – проход – перевал* (port – шотл., Puerto – исп.) находит свое отражение в номинациях Пуэрто-Рико, Порт-Луи, Порт-Ройал.

Обширная география исследования топонимии, различные принципы описания объектов, разнообразие терминологии и теоретических концепций не всегда эффективны при отсутствии строгой системы этноисторического и лингвистического описания топонимов. Дискуссионными представляются способы топонимического словообразования.

Весьма противоречивы мнения относительно национальностей в отечественной науке. С одной стороны, имена этносов рассматриваются как апеллятивы, поскольку определяют и как отдельное лицо, и как целую группу [Суперанская 1978]. С другой стороны, названия народностей относят к переходному слою между ономастической и нарицательной лексикой. Действительно этнонимы выделяют название группы людей из ряда одно-

родных (например, гуцулов от эвенков), то есть обладают идентифицирующей функцией, но их денотативное значение настолько расплывчато, что сближает их с именами нарицательными. Очевидно, собственным именем могут обладать лишь единичные объекты, а не целые группы.

Существование терминов антропонимического происхождения весьма распространено в определенных областях знаний, в частности, в медицине: например, болезни Боткина и Паркинсона, рентген, кружка Эсмарха и т.д. Изучение терминологии подобного рода весьма полезно для общего теоретического языкознания в плане специального научного изучения словообразовательных возможностей языка [Суперанская, Подольская 1999].

Таким образом, в историческом языкознании и в топонимике, в частности, накоплен большой фактический материал, отражающий все сферы языковой действительности. Существует достаточно много работ традиционных направлений, в которых исследователи пытались найти закономерности развития и функционирования топонимии, ориентируясь лишь на структурные элементы языка. Так, считалось, что в основе номинаций лежит случайно выбранный мотивировочный признак, поэтому поиск закономерностей в номинативных процессах был устремлен к выявлению собственно лингвистических форм. Однако, все большее значение приобретают новые подходы к интерпретации имеющихся фактов. Основной задачей ономастики, по мнению Д.И. Руденко, должно явиться не столько вовлечение в оборот нового фактического материала, сколько более полное осмысление уже имеющихся фактов [Руденко 1990]. Более определенно высказываются другие исследователи, отмечая, что без привлечения новых принципов классификации топонимов, развитие ономастики невозможно. Классификацию топонимов по семантике об-

разующих основ проводит С.А. Попов, распределяя материал по двум тематическим группам: названия населенных пунктов естественно-географического характера (геогенные ойконимы) и названия культурно-исторического характера (антропогенные ойконимы), каждая из которых подразделяется на 35 подгрупп в зависимости от специфики семантики базовых элементов: ойконимы, образованные от названий водных источников; топографическая лексика апеллятивного происхождения; ойконимы с фитонимической и зоонимической основами, отражающие флору и фауну и т.д.

Действительно, гидронимы являются носителями ценной информации о языке и истории народов, ранее населявших территорию современных стран. Особенность гидронимов состоит в том, что это вторичные наименования. Этимология иноязычного названия неясна для местного населения. При характеристике местоположения поселка относительно водного источника обычно используются сравнительные сопоставления (верхний – нижний, большой – малый, правый – левый). Названия озер становились названием населенных пунктов. Имена источников характеризуют качество воды, особенности течения, наличие водорослей, заболоченность и т.д. Родник именуется stream, well, burna (ключом, колодезем, источником). Названия рек и озер образованы от географических терминов апеллятивного происхождения, обозначающих тип или характер водного источника.

Группа номенклатурной лексики отличается богатством и разнообразием лексем, точно отражающих природные и естественно-географические условия. Географические термины (узусальные и диалектные) отражают особенности ландшафта, например: гора в виде змеиной головы. В названиях населенных пунктов встречаются лексемы, определяющие особенности лесоугодий, специфику почвенного покрова (земля, вспаханная под пар), грунта (гравий, песок). Фитонимы, зоонимы, флоронимы отражают виды растений, древесных пород, животных, птиц и рыб, имеющих важное значение в хозяйстве.

В целом исследование топонимики показывает, что в ней отражены объекты, связанные с естественно-географическими особенностями местности. Широко распространены названия поселений, связанных с личными именами вождей племен, собственников земли, владельцев имений, с религиозно-культовой лексикой, с материальной и социальной жизнью поселенцев. В связи с введением христианской религии, а также древ-

ними языческими культами появлялись названия, основу которых составляют антропонимы, гидронимы, апеллятивы.

Своеобразную историческую, этнографическую и хозяйственную характеристику дают топонимы, отражающие социальный состав населения, особенности быта, типы и границы поселений, виды построения усадеб, имений.

Изучение словообразовательной структуры топонимов позволяет определить круг формантов, состав топооснов. Основным способом образования русского топонима является морфологический в аффиксальной его разновидности, что признано исследователями главным славянским топонимическим типом. Наиболее частотными трансформантами являются суффиксы -ов, -ев/-ин, а также суффиксы существительных -ск, -ка (с деминутивным значением).

В английской топонимии наиболее распространено использование имен собственных в притяжательном падеже: Godmun's, показатель s часто опускается при образовании сложных композитов. Категория сложных слов, состоящая из двух и более корневых основ, оформленных в грамматическое единство – категория универсальная, характерная как для русской, так и для иноязычной топонимии.

Что касается заимствований топонимической лексики, то следует отметить, что не существует языка, свободного от иноязычных влияний, так как нельзя отрицать историческую перманентность культурного обмена между народами. Заимствование является наиболее характерной особенностью контактирующих языков. На территории Западной Сибири функционирует топонимическая система, которая представляет собой переплетение русских и адаптированных русским языком географических названий аборигенных народов. Заимствования возникают в результате постепенной ассимиляции одного языка другому в условиях языкового пограничья. Существует значительное число топонимов из предшествующих эпох, адаптированных более поздним языком [Воробьева 1973].

Гомогенность топонимической системы ведет к стиранию первоначальных языковых названий. Контакт неродственных языков ведет к интенсификации лексических заимствований, семантической интерференции в словах со сходным значением, изменением морфонетической системы. Контактное типологическое отдаленных языков приводит к их лексическому обогащению. Частотность использования заимствованных то-

понимов позволяет установить синхронные корреляции, продолжительность функционирования которых определяется хронологическими рамками. Принципы реконструкции такого пласта подготовлены разработкой сравнительно-исторического метода, когда диахрония исходной формы восстанавливается на основе рядов соответствий, закономерностей фонетической и морфологической адаптации. Б.А. Серебренников указывает, что путь изучения древних топонимических пластов только на основе этимологии не всегда эффективен [Серебренников 1970]. Наиболее древний слой заимствований, не раскрываемый посредством современных языков называют топонимическим субстратом (иноязычный топоним, восходящий к языку предшествующего этноса). Современные топонимические заимствования (адстраты) автор относит к контактным лексическим заимствованиям. Данный слой адаптированных заимствований легко опознается. Дoadстратный слой топонимов характеризуется более глубокой адаптацией заимствований к доминирующей языковой среде. Это субстратные названия локативного и посессивного типов, существенно изменившие свой фонетико-морфологический облик и подвергшиеся переосмыслению. В изучение субстратов привлекаются сведения о древнейших этнических миграциях. Свидетельства письменных памятников дополняют наши сведения о топонимической системе на определенном синхронном срезе.

Сущность подхода к ретроспективному исследованию топонимов определяется принципами их синхронического и диахронического изучения. При наличии разных методов описания топонимов неизменным остается внимание к фонетической, морфолого-словообразовательной и семантической структуре топонима в плане синхронии и диахронии, особенностям адаптации в условиях взаимодействия контактирующих топонимических систем. При описании семантики заимствований следует учитывать степень варьирования названий, переход названия с одного объекта на другой, метафоризацию, возможность переосмысления (ложная этимология, калькирование).

Изучение топонимической лексики явилось толчком к совершенствованию традиционной методики лингвистического анализа, к появлению и модернизации существующих способов изучения словообразовательного состава. Так, теоретическое обоснование приемов этимологизирования субстратных топонимов, основанное на сравнительно-историческом методе, получило дальней-

шее развитие в работах А.П. Дульзона. Практические результаты объективно отразили перспективность выдвинутых способов установления этимона географических названий [Дульзон 1959].

Перспективность этимологических изысканий А.П. Дульзон видит в системном подходе, сочетающем фонетико-сопоставительный, словообразовательный и семантический критерии. Важным элементом на пути обнаружения этимона может стать народная этимология.

Разумеется, этимологическое описание топонимов осуществляется на том же самом фонетико-морфемном историческом сопоставлении, как и при этимологизации апеллятивной лексики. Но в отличие от последней топонимическая лексика в силу своей устойчивости требует учета специфических приемов этимологизации, синтеза тех или иных приемов, обуславливающих комплексный подход к интерпретации конкретной этимологии названия.

Результативность этимологического анализа особенно эффективна, если он проводится с учетом аспектов исторического словообразования, что является первостепенным в процессе лингвистического анализа топонимической лексики. Существует несколько терминов для обозначения метода, при помощи которого описывается морфемный состав и способы образования топонима: суффиксальный метод, структурный, структурно-грамматический, структурно-описательный, структурно-словообразовательный, формантный, возможности которого получили в настоящее время широкое признание. Нерешенность ряда методических вопросов грамматического порядка привела не только к терминологическим разночтениям, но и к взаимозамене аспектов морфемного и словообразовательного анализа слова. Принципы морфемного и словообразовательного анализа в отечественной топонимике не всегда четко разграничиваются, поскольку морфемика и словообразование пользуются общей терминологией, что нередко порождает смешение уровней анализа.

Морфемный анализ предполагает изучение способа организации слова, его членения на минимально значимые отрезки – морфы, которые объединяются в морфемы (префиксы, корни, суффиксы и флексии). Сочетания двух и более суффиксов, суффиксов и флексий, а в заимствованных названиях и рифмующихся финалей, в топонимике принято называть формантами. «Топоформанты – это суффиксы или равнозначные им служебные морфемы, используемые как средство

топонимического словопроизводства» [Фролов 2005]. Конечной целью морфемного анализа, таким образом, является установление морфемного состава слова. При словообразовательном анализе устанавливаются способы и правила образования новых слов, описываются словообразовательные типы и модели.

Разграничение морфемного и словообразовательного планов изучения топонимов обусловлено использованием неодинаковых по содержанию приемов анализа, взаимно дополняющих друг друга, поскольку их целью является установление структуры слова. Словообразовательному анализу должен предшествовать морфемный анализ, глубина и объективность которого имеют решающее значение в определении этимона, что особенно показательно на примере субстратной топонимии. Так, относимые А.П. Дульзоном к самодийско-селькупским уральские гидронимы на -ГА при тщательном их обследовании А.К. Матвеевым оказались пермско-финскими названиями на -ЮГА, -ЕНЬГА [Матвеев 1969].

Разложение слова на морфемы проводится на синхроническом уровне, но оно потенциально является диахроническим, так как невозможно отрицать историческое формирование морфемного состава производного названия. В то же время диахронический и синхронический аспекты словообразовательного анализа следует строго разграничивать уже потому, что разные эпохи языка и не смешивать живые словообразовательные отношения с мертвыми. Несомненно, факты словообразовательной эволюции важны как для исторической, так и для современной морфологии.

В прошлом веке Г. Краэ и В.П. Шмидт на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финно-угроведении одними из первых были Шегрен, Кастрен и Европеус, которые разрабатывали теорию финноязычного происхождения верхнего дославянского слоя топонимии Европейского севера, объясняли истоки загадочной топонимии на территории Финляндии из угорских языков.

Современное исследование выработало целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации, а также осознало необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой – приемником. Без этих систематизирующих знаний

этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топонимических систем. Названия видов населенных пунктов могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения, хотя топонимы такого рода не являются надежными маркерами, указывающими на древнее население, они помогают сузить круг поисков.

Косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений: *урочища Богова Гора, Лолкерос (гора духов), Тормонех (божья река) в хант. языке*, но подобные факты сложно отделять как от различных образных наименований, так и от официальной и народной христианской терминологии. Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает из того, что топоним при возникновении мотивирован, а слово, оказавшееся в основе названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. И хотя в ряде случаев мотивы названия (даже при ясной этимологии) остаются затемненными, содержание топоосновы является существенным источником этнолингвистической и исторической информации.

Историчность топонима связана с тем, что идентификация признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор моделей достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов: чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах аналогичны. Создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных территориях. Названия, данные народом, находившемся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим.

Первый этап появления топонимов именуется «прагматическим», т.к. топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения.

Основа номинации – географическая реалья как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим объекты ландшафта получают названия, не существует безымянных рек, озер, водоемов: даже те, которые располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве водных путей. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья, интересуют людей значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились прежде всего те номинации, которые имеют определенную практическую ценность для человека, ибо они находили широкое применение в жизни местного населения.

Специфика топонимии Зауралья состоит в том, что она значительно более образна, в ней ощущается персонификация реалий окружающей природы, в ней сильны мифологические представления. В этом отражается отношение к миру, к природе в условиях промысловой культуры, значительные элементы которой до сих пор сохраняются, а в недавнем прошлом были преобладающими. На протяжении почти четырехсотлетнего изучения западно-сибирского региона и формирования его населения главными задачами были анализ этносовета и мест расселения, социальное положение, род занятий, быт, общие особенности языка, фольклора, положительное воздействие русского участия в освоении региона.

В русских источниках местожительство финно-угорских народов упоминается в «Повести временных лет». В XV в. коми-пермяцкая земля стала составной частью Московской Руси, Югорское и Кондинское княжества платили дань Новгороду, а затем Москве. В титуле московских государей до 1606 г. указывалось, что они являются повелителями Обдоских, Кондинских и Югорских земель.

В топонимии Зауралья наблюдаются резко выраженные диалектные различия как в области фонетики, так и лексики. Попытка сгруппировать лингвоэтнические знаки, относящиеся к гидрообъектам – словам, обозначающим тип водотока – реки, речки, ручьи, притоки, ключи и др., включая обозначения их особо отличительных характеристик: ширина, глубина, судоходность,

наличие рыбы, цвета воды и т.д., приводит автора к мысли о разнообразии лексем и их морфологической универсальности. Вариативность лексемы, ее диалектная окраска представляет наибольший интерес, так в мансийских говорах *ари* – речка, *ас* – большая река, *ах* – небольшая река, *ах / ахт* – речка, соединяющаяся с озером, *посал* – протока, *сойм / союм* – родник, *сос / шош* – ручей, *сунт* – устье реки, *ялуп* – ключ. Важно отметить, что количество знаковых единиц для проточных источников в диалектах различно: манси – 14, ханты – 25, ненцы – 12, селькупы – 18. Набор русских по происхождению гидроапеллятивов более ограничен – река, речка, ключ, родник, исток и другое. В Тюменской области свыше 300 тысяч болот и озер. Однако в языках автохтонных жителей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов эти многочисленные гидрообъекты обозначены относительно небольшим числом номен: манси – 10, ханты – 9, селькупы – 6. Проведя анализ сходных по звучанию и значению ономов, выявляем параллели:

Река: Ась (манс.) / Ас (хант.).

Родник: Сойм (манс.) / Саис (хант.).

Протока: Посал (манс.) / Пасыл (хант.).

Западные диалекты называют собственно хантыйскими, близкими другим угорским языкам, а восточные – кантыкскими, которые сближаются с финно-угорскими языками. В свою очередь, в хантыйских диалектах различаются говоры обдорских, березовских, кондинских, демьянских, васюганских, салымских и других хантов. В мансийском языке также выделяют несколько диалектных групп: западную (с пельымским и вагильским диалектами), восточную (с ниже-, средне- и верхнекондинским диалектами), южную (с Тавдинским диалектом) и северную. В коми-зырянском языке выделяют не менее десяти наречий, которые в Нижней Оби еще недостаточно исследованы.

Отличительным особенностям топонимобразования в языках ханты, манси и коми-зырян в сопоставлении с русским языком посвящены исследования Н.К. Фролова. По мнению автора, угро-финские названия традиционно делятся на простые (однокорневые), сложные (из двух и более корней) и составные (из двух и более слов). Простые топонимы, представляющие собой однокорневую морфему или сочетание корневой и аффиксальной морфем, достаточно легко усваиваются русской языковой средой, например: *Еган, р., Эмтор, оз.; Янга, б.*

Сложные топонимы являются наиболее продуктивными образованиями в языках-источниках. Основной смысл названия определяется препозитивным компонентом, отражающим связь названия с окружающей фауной и флорой, например: *р. Лёзьиёр* (синий ручей), *оз. Съёзты* (черное озеро), *оз. Кузьты* (длинное озеро), *оз. Яраньты* (ненецкое озеро). Трехкомпонентные модели имеют место в случаях использования двух определений с одним детерминативом, например: *р. Эльтыель* (Алексеев озерный ручей), *р. Сёраньсойтдор* (около зырянского моста речка).

Хантыйские топонимы состоят из двух и реже трех-четырех компонентов: определения (это обычно имя существительное, прилагательное, причастие или числительное) и детерминатива, указывающего на тип объекта, например: *р. Ненгпёх* (лиственничная река), *д. Сугмитынгорт* (березовое озеро), *р. Техрынгёган* (заячья река), *р. Вэскъягун* (утиная река), *р. Айпох* (маленькая речка). Более сложные структуры представлены сочетаниями: *р. Айвольтысойм* (маленького зверя ручей), *оз. Айхотанлор* (малое лебединое озеро), *р. Нехпельеган* (лосиное ухо река), *Панипослор* (налимьей протоки озеро), *Эллёкулынлор* (большой рыбы озеро).

Таким образом, угро-финская топонимия региона отличается преобладанием двучленных структур, которые воспринимаются на русской почве одним назывным словом. Схематически модели коми-зырянских, хантыйских и мансийских географических названий можно представить в виде сочетаний существительного, прилагательного, причастия и числительного с детерминативом. Большая часть таких сочетаний пишется слитно или через дефис: *Айпех* и *Ай-пех*, *Воингъя* и *Воинг-я*, *Тромъеган* и *Тром-еган*. Это в полной мере зависит от орфографических традиций, хотя в последнее время наблюдается тенденция слитного написания старых и новых заимствований. Следовательно, различие сложных и составных названий характеризуется условностью, за исключением случаев функционирования многословных топонимов, например: *р. Ен-Инки-Пох* (ячмень-суп-река), *р. Пыхты-Нёгос-Ыгай* (черный соболь-речка), *р. Кор-Вер-Юр-Урий* (болото-запор-дерево-речка), а также гибридных названий: *д. Верх-Рынья*, *д. Вершина Войкар*, *пос. Нижние Нарыкары*.

В процессе русской адаптации сложно-составные названия часто подвергаются усечению в конце или середине слова. Ср.: *д. Ахман* –

Ахт-манья, *р. Чия* – *Чия-ю*, *р. Егор-еган* – *Егар-хан-ехан*, *оз. Пильтанкор* – *Пильтан-еган-туй-лор*.

При анализе семантики угро-финских названий, прежде всего, обращает на себя внимание ясность мотивировки, бытовая обусловленность номинации объектов. Лес и река, тундра и озеро являлись источником жизнедеятельности местных жителей, они давали жилье, кормили и одевали, поэтому вопрос о том, что важно отразить в названии, решается исходя из практической деятельности человека, его связи с природой. По способу выражения семантической мотивированности коми-зырянские, мансийские и хантыйские географические названия можно разделить на две группы: топонимы, отражающие непосредственное отношение человека к природным объектам, и топонимы, отражающие деятельность человека опосредованно. В создании топонимов первой группы используются слова, обозначающие принадлежность, основным подтверждением этому является использование антропонимов, этнонимов, терминов родства и социального положения, выступающих в роли определения в препозиции к индикатору: коми-зырян. – *Анисимишор*, *руч.* (Анисима ручей), *Коняйты*, *оз.* (Коняево озеро); хант. – *Каврилатоух*, *оз.* (Гаврилы озерко), *Тогай-сойм*, *рч.* (Тогая ручей); манс. – *Васканёл*, *уроч.* (Василия мыс), *Сидорнавил*, *д.* (Сидорово стойбище), *Тимкапаул*, *д.* (Тимки деревня).

Таким образом, термины «структурно-описательный» и «структурно-грамматический» подразумевают разноаспектные явления: морфемно-словообразовательные и морфолого-грамматические. Преимущество, на наш взгляд, остается за термином «формантный метод», при котором анализ слова производится на уровне формантов, представляющих собой аффиксальные комплексы, в том числе и априорно выделяемые повторяющиеся (для субстратной топонимии) сегменты. С помощью формантного анализа оказалось возможным выделить русских словообразовательных топонимических моделей, а также топонимических типов, сложившихся в условиях межъязыковых контактов.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: ТГУ, 1973.

Дульзон А.П. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории // Не-

которые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959.

Матвеев А.К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. М.: Наука, 1969.

Мурзаев Э.М. Очерки топонимии. М.: Мысль, 1974.

Руденко Д.И. Имя в парадигмах философии и языка. Харьков, 1990.

Серебренников Б.А. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии? // Вопр. языкознания. 1970. № 1.

Суперанская А.В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978.

Суперанская А.В., Подольская Н.А. Общая терминология. Вопросы теории. 2-е изд. М., 1999.

Фролов Н.К. Топонимика и этнонимика // Избранные работы по языкознанию. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2005.

T.V. Khvesko

WAYS OF TOPONYMIC WORD FORMATION

The article deals with different approaches to toponymic word formation. Comparative analysis of Russian and English toponymic systems is carried out. Formative method as the most perspective allows to determine universal and specific toponymic models in both languages. Diachronic investigations prove the creative character of nomination process. So linguistic, historical, etymological factors are taken into account.

Key words: *semantics, lexical units, speech, appellative, toponym, structure, comparative- historical method.*